

МОДАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ И МОДАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ТЕКСТООБРАЗОВАНИЯ

Данная статья посвящена проблеме соотношения факторов и средств текстообразования. Целью статьи является доказательство того, что любая текстовая категория является одновременно фактором (на уровне функции) и средством (на уровне способа выражения) текстообразования. Особенно это актуально для категории модальности, так как именно категория модальности, а не какая-либо другая текстовая категория имеет статус интегративной текстообразующей категории, категории, формирующей концептуальную структуру текста, определяющей все другие категории и характеристики текста как антропоцентрического феномена. Текстовая модальность определяется авторской модальностью, тем сознанием, которое стоит за текстом, а оформляется, выражается средствами языковой (объективной / субъективной) и речевой модальности (как речевая категория модальность выходит за рамки лексической и грамматической семантики и включает коммуникативные стратегии и тактики). В дополнение к ранее описанному в лингвистике мы хотели бы привлечь внимание к типам значений субъективной модальности, средствам их выражения в текстах и способности того или иного субъективно-модального значения определять тип текста, стратегии и тактики построения текста, а следовательно, быть фактором и средством текстообразования.

Факторами текстообразования Л.А. Новиков (Новиков 1988) называет причины, обуславливающие, стимулирующие отбор языковых средств, необходимых для построения текста. Средствами текстообразования являются средства, обеспечивающие такие главные признаки текста, как связность, целостность, индивидуальное своеобразие и т.д.

Понятие «средства текстообразования» включает понятие «стилеобразующие средства», но не исчерпывается последним. Средства стилеобразования – стилистически окрашенные средства – обеспечивают главное назначение текста, заданное функциональным стилем (общение, сообщение, воздействие) или идиостилем. Пересечение средств стиле- и текстообразования неизбежно. В роли средств текстообразования выступают языковые текстовые единицы (фонетические, морфологические, лексические, словообразовательные, синтаксические) в определенных комбинациях. Так, каждое последующее предложение текста содержит в себе намек на содержание предыдущих предложений, что обеспечивает единство текста. Языковые сигналы, указывающие на такую связь, служат средством межфразовой связи не только формальной, но и содержательной.

«Факторы внешнего порядка, как и факторы стилеобразования, можно подразделить на объективные и субъективные. Объективные факторы «связаны с природой языка – речи», например, форма прояв-

ления языка – устная или письменная, вид речи – монологическая или диалогическая, жанр и т.п. Субъективные факторы характеризуют лишь личность «автора – и только ее» (Кожина 1982:161).

Иногда под объективными факторами текстообразования понимают те условия, которые существенны при образовании любого текста, а под субъективными – факторы, действующие при образовании отдельного художественного произведения.

«... объективным текстообразующим фактором является с и т у а ц и я. Отсюда стремление к денотативной интерпретации текста: понять текст – значит восстановить стоящую за ним ситуацию. Однако бывают случаи, когда читатель затрудняется в установлении связи «текст – ситуация», и тогда лингвистический анализ прибегает к выявлению текстообразующих средств – сигналов ситуации.

Фактором текстообразования является функциональный стиль. Средствами текстообразования – стилеобразующие единицы, пересечение которых образует языковую доминанту стиля» (Новиков 1988:152).

Категория субъективной модальности – одно из средств выявления индивидуально-авторского стиля. Субъективная модальность, составляющая, условно, оппозицию объективной модальности и входящая вместе с ней в авторскую модальность, может также служить показателем жанрово-стилевой отнесенности текста.

Можно подойти к выявлению особенностей индивидуально-авторского и функционального стилей традиционно, через систему стилистических средств. Но своеобразие текста (и стиля) нельзя сводить лишь к набору стилистических средств. Здесь нужно некое обобщающее начало. «Стиль интегрирует, унифицирует средства, составляющие речевое произведение, и в то же время дифференцирует данное речевое произведение, отличая его от других. Придавая ему законченность, стиль может существенно повлиять на его общий смысл. Можно сказать, что стиль, в некотором роде, является связующим звеном между принципом аккумуляции компонентов в их последовательности и суммарным смыслом, который, как представляется, концентрируется в одной точке. Стиль выступает здесь как своего рода «цементирующий материал» также и потому, что он проявляется в селекции и аранжировке образующих элементов не только на уровне собственно лингвистической структуры, но и на уровнях содержания...» (Гаузенблаз 1978:61). Субъективную модальность, как обязательную категорию текста, можно считать интегрирующим началом стилистических средств: стилистические средства действуют в рамках единой категории, реализуются посредством этой категории, и сама эта категория как некая объективная субстанция проецируется на индивидуально-авторский и функциональный стиль.

Таким образом, к выявлению своеобразия стиля текста можно двигаться двумя путями, индуктивным и дедуктивным. Индуктивный путь – это взгляд, проекция «снизу», от средств стилистики, от частных элементов. Дедуктивный путь – это проекция «сверху», от обобщенной се-

мантико-грамматической категории модальности. Эта категория выступает как индикатор, помогающий выявить особенности стиля и жанра, как фактор текстообразования.

Сопоставим два текстовых фрагмента, связанные одной затекстовой ситуацией: оценка Америки, впечатления от поездки в эту страну (Ф.Абрамов, М. Роцин).

Дневниковые заметки об Америке Ф. Абрамова названы «*Неужели по этому пути идти всему человечеству?*» Это модальная доминанта заметок в целом. Модальное значение *о п а с е н и я*, нежелательности, невозможности. Весь макротекст дневников и любой микротекст дневниковой записи это доказывает. Композиция текста задана ключевым, коммуникативно-сильным, этапным предложением (ЭП) (Романова 1989) «*Что лучше?*», противопоставлены два концепта *русское духовное богатство (идеализм, вершина духа человеческого)* и *американская нищета духа (сытость, индивидуализм)*. При ответе на вопрос ЭП первый названный концепт сопровождается модальной оценкой *хорошо*, второй – *плохо*. Итоговое ЭП: *Не приведи Бог жить в нем* (г. Лос-Анжелес) можно отнести ко всему тексту дневниковых заметок.

Что лучше? Русское духовное богатство или американская нищета духа?

Русский народ поистине великий народ. В условиях большевизма велик духом, любознателен. Не озверел. А если бы дать ему элементарные человеческие условия? Что бы он наворотил? А может – ничего? Нет, нет!

Американская молодежь – ухоженные, отмытые современной цивилизацией дикари.

Впервые усомнился: а каждое ли поколение выполняет свои задачи?

И еще: появление такой молодежи – это историческая необходимость? Результат всего развития Америки? Германия – страна загадок. А Америка – страна с загадками планеты, рода человеческого.

К правам человека. Средний американец, его духовная нищета – это преступление против человечности, а значит, и против прав человека. Почему американцы, президент, конгресс не бьют тревогу? Почему не занимаются своей страной?

<...> У XX века свои семь чудес. Одно из них – вечерние огни Лос-Анжелеса. Но сам Лос-Анжелес! Не приведи Бог жить в нем. Каменные джунгли, человек как муравей. И как тут не вспомнить чудо на Неве!... (Абрамов 1997:113).

Соответственно виды оценок (отрицательная, положительная) совмещены в тексте и определяют его индивидуально-стилевые особенности. См.:

Только что вернулся из Америки. Ну, брат, повидал я там дела, повидал землицу и коровушек. Чудеса! Фантастика! Долго нам не

видать ничего подобного – нужны реформы. И реформы коренные, всеобъемлющие [Ф. Абрамов. Письмо к Н. Жерникову] (Абрамов 1997:12).

За месяц я не очень мог вникнуть во все сложности американской жизни. **Но, знаете, чего не хватает Америке? Русского идеализма. Русского порыва к горным вершинам духа человеческого...** Я не хотел бы жить в другой стране. Только в России. **Сытость, индивидуализм Запада – это не по мне. Это не для меня** [Ф. Абрамов. Из письма к И. Дудник] (Абрамов 1997:12).

М. Рощин свои дневниковые записи «На открытом сердце» называет главами из книги «Америка».

Пишется эта «Америка» уже лет десять, не меньше, и пишется каждый день, и снова и снова уплотняется, - вот эти строчки я буквально пишу накануне нового отлета в Штаты – в девятый, между прочим, за эти годы раз, - читатель легко поймет, какое множество набралось за столько-то разов впечатлений, но вы увидите, что это не просто очерк, не одна лишь моя личная малая история, как ни велика она для меня; я торопился хоть с первой частью, с этими давними главками успеть, - 500 лет назад открыли Америку, мы все открываем ее для себя по-прежнему каждый день, и я хочу участвовать в этом открытии, плыть в команде Колумба – **с любовью и сердцем** к этой земле, такими же, как к своей земле и ко всем своим (Рощин 1992:81).

Модальная доминанта повествования **с любовью и сердцем**, которая обуславливает следующую авторскую модальную доминанту должностования: *поучиться бы*. Поэтому в композиции заметок нет сопоставления. Впрочем, есть одно, но в пользу Америки – о мусоре, мусор *интересный, неинтересный*. См. текст:

Кстати о мусоре. Кто-то рассказывал: специалисты-американцы приехали к нам, чтобы договориться о постановке мусороперерабатывающего оборудования, заводов-мусорщиков. Прежде всего требовалось изучить сам мусор. Они его изучили и пришли к выводу: у вас мусор «неинтересный». Я готов в это поверить: по сравнению с американским – наверняка. Когда наши телерепортеры, показывая «контрасты капиталистического города» повторяли все одну и ту же картинку, старый бедняк негр копается в мусорном баке, я тут же, справедливости ради, во-первых, вспоминал, что и у нас во дворе есть такой старик, который любит порыться да поглядеть, не выброшено ли чего хорошего, а во-вторых, хотелось объяснить, что американцы выбрасывают за день не меньше, чем покупают, и мусор этот не совсем обычный <...>

Кроме того, не надо объяснять, что такое в Америке упаковка. Как и повсюду на Западе. Пока у нас на рынке тетя Маша все крутит кулек из позавчерашней газеты «Советская торговля» или из-за галanterейного прилавка рывкает: *бумаги нет! шпагата нет!* – мир создает такие коробочки, баночки, бутылки, футляры, что глядишь,

от самого импортного товара уже и в помине ничего не осталось, а коробочки и бутылочки все хранятся: красиво, жаль выбросить.

*Но американцы выбрасывают. Они не сентиментальны. Они относятся к упаковке как к упаковке: донес, вынул – гуд бай! Так рождается **«интересный»** американский мусор, «классовый», если угодно, мусор страны, где много богатых людей, где один выбрасывает такое, что другой не погнушается подобрать да еще спасибо скажет.*

<...> Нет, можете смеяться, мусор – великая вещь. Будь я живописцем, рисовал бы всякий мусор: как много он рассказывает о людях! Не зря криминалист никогда не погнушается вывалить на пол содержимое мусорного ведра и порыться в нем всласть. А кто-то из художников сказал: ведро с мусором, которое стоит за дверями картинной галереи, - это ведро с мусором, но как только его внесут внутрь – это уже произведение искусства (Роцин 1992:97).

По форме записки – скрытый диалог с недоброжелателем – обобщенным субъектом. См. текст:

*Принято поносить американцев за то, что они испокон веку сманивают к себе нужные «мозги». Пользуются чужими достижениями, перекупают, перехватывают, внедряют у себя то, что могло бы быть внедрено на отеческой почве той страны, откуда «утекли» мозги. А потом тем же самым «отцам» продают новинку втридорога. Даже спектакли теперь продают по лицензии, целиком, например, идет с успехом пьеса на Бродвее, ну-ка, протолкнем ее в Мексику или в Гондурас: с музыкой, оформлением, мизансценами, костюмами, - берите, ребята, оптом, ставьте, успех обеспечен, делать ничего не надо, только гребите денежки и отваливайте нам за лицензию. И вам **хорошо** и нам **хорошо**. Если так, то, конечно, не больно красиво. **Но что в том плохого**, если люди рыщут, носом чуют новое, хватают, внедряют. **Поучиться бы** такой расторопности и противопоставить ей свою, чтобы не утекало. Чтобы не из дома, а в дом (Роцин 1992:98).*

Превалируют положительные оценочные семы и когда автор говорит о городах Америки, и о политике, и о театре, и о людях, и об американской провинции.

Итак, по жанру функциональному стилю это сходные произведения. Отражая одну и ту же ситуацию, они тем не менее различаются текстообразующими факторами и средствами. У Ф. Абрамова текстообразующими факторами являются модальная доминанта нежелательности и оценки *хорошо / плохо*. Textoобразующими средствами – композиция сравнения, противопоставления, вопросительно-восклицательные предложения, противоположные оценочные семы («+»; «-»).

У М. Роцина текстообразующий фактор – модальность оценки («+», отношение сердечной любви) и долженствования. Textoобразующие средства: композиция (скрытый диалог, спор), оценочные семы («+»).

Обе книги доказывают неразрывную связь, взаимообусловленность цепочки фактор – средство. Факторы текстообразования (в нашем случае – модальная доминанта) стимулируют, обуславливают отбор и комбинации языковых средств текста. Средства текстообразования содействуют превращению разрозненных языковых сегментов в связное целое; они цементируют, скрепляют текст, придают ему черты индивидуальной неповторимости.

Итак необходимо разграничивать факторы и средства текстообразования. Категория модальности выступает как индикатор, позволяющий выявить особенности стиля, жанра текста. Модальность обуславливает и другие признаки текста. Тип модальной доминанты определяет степень ответственности текста. Большей мерой ответственности обладают тексты с модальной доминантой волеизъявления, с эмоциональной доминантой, меньшей – с интеллектуальной. Таким образом, модальность является фактором текстообразования. Коэффициент модальности и степень воздействия текста зависит от средств образования, положенных в основу конкретного текста. Форма выражения категории модальности определяет ее статус как средства текстообразования.

Литература

1. Абрамов Ф. Неужели по этому пути идти всему человечеству? (Дневниковые заметки) // Наш современник. – 1997. – № 12. – С.12-140.
2. Гаузенблаз К. О характере и классификации речевых произведений // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – Вып. 8: Лингвистика текста / Под ред. Т.М. Николаевой. – С.57-79.
3. Кожина М.Н. О некоторых актуальных проблемах функциональной стилистики // Современное состояние и основные проблемы изучения и преподавания русского языка: Мат-лы V конгресса МАПРЯЛ, 1982. – М., 1982. – С.161-162.
4. Новиков Л.А. Художественный текст и его анализ. – М., 1988.
5. Романова Т.В. Конструирование текста с опорой на этапные предложения как средство совершенствования речевых навыков учащихся: Дис. на соиск. учен. степ. канд. пед. наук: 13.00.02/ Горьковский гос. пед. ин-т им. М. Горького. – Горький, 1989. – 251 с.
6. Рощин М. На открытом сердце: Из книги «Америка» // Новый мир. – 1992. - № 1. – С.80-123.